

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ «ГАЛЛИОН»
ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация: статья посвящена изучению специализированного учреждения – исправительно-воспитательного заведения для несовершеннолетних правонарушителей «Галлион» во Франции. Рассказывается об устройстве колонии «Галлион», содержании несовершеннолетних арестантов, их воспитании и обучении, поощрениях и взысканиях.

Ключевые слова: Франция, XIX век, XX век, несовершеннолетние правонарушители, Галлион, исправительная колония, пенитенциарная педагогика.

Рост преступности среди несовершеннолетних во Франции в первой половине XIX в. заставил задуматься властям об организации специализированных учреждений для содержания несовершеннолетних преступников. Французские тюрьмы для этого явно не подходили из-за суровости содержания арестантов, поэтому правительство обратилось к широкой общественности с предложением организовать частные исправительно-воспитательные заведения для содержания малолетних нарушителей закона. В 20–30-х годах XIX в. во Франции начался процесс организации и открытия различных вида исправительно-воспитательных заведений. Одно из таких исправительно-воспитательных заведений – «Галлион» – было основано во второй половине XIX века сперва как отделение для несовершеннолетних правонарушителей при тюремном замке, а затем как специализированное заведение для малолетних арестантов особо неисправимых.

Исправительно-воспитательное заведение «Галлион», или как она официально называлась «Коррекционная колония «Галлион», была расположена на окраине городка, имя которого оно носит, в 3-х километрах от железнодорожной

станции Галлион-Абувей, на полпути от этой станции до еще одного исправительно-воспитательного заведения «Дуарес» [1, с. 117].

Собственно говоря, «Галлион» был даже не воспитательно-исправительный приют, а просто исправительная колония, как, впрочем, он официально и назывался. «Сюда переводится худший элемент из прочих французских воспитательно-исправительных приютов» [1, с. 117].

Открыт был «Галлион» в 1908 году. Прежде на этом месте была тюрьма «для ненормальных и психически больных арестантов», и, кажется, ничего не изменили, «чтобы приспособить учреждение для воспитательно-исправительных задач» [1, с. 117]. Поступали в него подростки в возрасте от 17-ти до 21-го года. По сведениям К.И. Ануфриева, «в момент моего посещения из 206 мест было занято 204, но, по словам субдиректора, число питомцев в приюте иногда доходит до 225-ти человек и тогда сверхкомплектных размещают по карцерам» [1, с. 117].

«Галлион» находился на вершине холма, на крутом склоне которого, в сторону Сены, расположены были его постройки. Склон был настолько крутым, что, «когда идешь по саду, разбитому на вершине холма, то находишься почти наравне с крышей трехэтажного корпуса приюта». Для того, чтобы дать с этой стороны доступ воздуху и свету к флигелю приюта, в склоне холма пришлось сделать глубокую выемку [1, с. 117].

Когда посетитель, свернув с идущей круто вверх дороги, вступал в ворота учреждения, «открывающиеся только для того, чтобы пропустить его, и попадает на первый дворик приюта, на который выходят квартиры служащих и управление заведения, неприятное чувство охватывает его: настолько здесь все мрачно и неприветливо» [1, с. 118].

Когда же через ворота одного из внутренних флигелей, тоже крепко запертые, «выходишь во второй крошечный дворик, который теснят со всех сторон угрюмые высокие желто-серые флигели хозяйственных построек и соединяющие их такие же каменные стены, откуда видна только небольшая полоска неба,

не остается уже ни малейшего сомнения, что кругом тюрьма, и тюрьма очень суровая» [1, с. 118].

Это впечатление крепло еще и оттого, что «решительно во всех окнах приюта, даже выходящих на внутренние дворы, видны толстые железные решетки, а кругом расставлены часовые с ружьями. Я (К.И. Ануфриев – М.Л.) не знаю, что представляет из себя этот караул, несет ли он сторожевую службу вокруг казарм, прилегающих к заведению, или же призван наблюдать за поддержанием порядка в приюте, но часовых я видел даже в саду приюта, и присутствие их, бесспорно, сгущало тон тюремной обстановки» [1, с. 118].

Желтовато-серый тон камня, из которого выстроен главный корпус приюта и стены внутренних двориков, ограниченность пространства, занятого ими, замки и железные решетки – все это, по мнению К.И. Ануфриева, «создавали тяжелое, подавляющее впечатление» [1, с. 119]. И в этой гнетущей обстановке, за железными решетками приютских помещений или скученные «на крошечном пространстве своих двориков, две сотни мальчишек обречены проводить все время своего пребывания в приюте: отсюда их не выпускают решительно никуда» [1, с. 119].

На первом и, частично, на втором этажах главного флигеля были расположены мастерские приюта: дортуары питомцев и лазарет помещались в некоторых помещениях второго и третьего этажа. Дортуары были устроены так же, как и в колонии «Дуарес», «по системе ночного разобщения в боксах; всего 9 дортуаров по 20–30 мест. Здесь даже в лазарете, который рассчитан на 10 кроватей, для больных устроены железные коробки» [1, с. 119]. В ночное время надзор за воспитанниками колонии «Галлион» был тот же, что и в колонии «Дуарес», только в связи со строгим режимом колонии, ночная смена была усилена одним лишним надзирателем.

Колония «Галлион» сначала была старинным замком, потом крепостью, затем являлась тюрьмой для психически больных арестантов; «тюрьмой она осталась и теперь, несмотря на присвоенное название колонии; вне ее стен чудный

вид на долину Сены; к стенам этой тюрьмы примыкают казармы и повсюду стоят караульные с ружьями» [2, с. 47].

В колонию «Галлион» помещали тех из воспитанников разных французских исправительно-воспитательных учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, которые выделялись там своим плохим поведением и неоднократными побегами. «Попавший в эту колонию почти никогда не сможет рассчитывать освободиться ранее 21 года, а средний возраст виденных нами воспитанников был 18–19 лет» [2, с. 47].

Исследователем было отмечено, что когда «мы, члены конгресса, посетили столовую одного из четырех отделений, то несколько человек дико смеялись. Заметно было неохотное подчинение даже такому порядку, как вставание при входе посторонних лиц. Когда мы проходили через вестибюль и там оказалось 3 – 4 воспитанника, то надзиратели сейчас же поставили их к стене, чтобы не допустить близко к посетителям» [2, с. 48].

Здесь среди воспитанников можно было увидеть ясные признаки вырождения [2, с. 47].

Во дворе были устроены четыре огороженные высокими каменными стенами площадки, где гуляли воспитанники, каждое отделение отдельно. В каждый такой дворик вели прочные тяжелые ворота с отверстием для надзора. «На 150 воспитанников имеется 40 надзирателей, не считая воспитателей. На ночь все воспитанники, по отделениям, помещаются также, как и везде, в клетки (бокс), но сделанные более массивно и более солидно, чем в других колониях» [2, с. 48].

Карцеры, число до 20, помещались на отдельном огороженном каменными стенами дворике; все карцеры были без окон. «Одежда воспитанников белая, из небеленного полотна, арестантского типа; брюки, пиджак, и такая же круглая шапочка» [2, с. 48].

Часть воспитанников выделялись для полевых и огородных работ; эти работы производились вне стен колонии. Другие занимались ремеслами, слесар-

ными, сапожным, столярным, «и чинкой белья и одежды; часть приурочена к работам домашним в колонии, в булочной, кухне и т. д.» [2, с. 48]. В общем общего правила перемещений с одной работы на другую не имелось, и каждый делал то, что ему назначено уже до выхода из колонии.

По отчету за 1908 год значилось всего 4 побега из колонии с поимкой в течение года и одно покушение на побег (при общем числе 112 воспитанников) [2, с. 48].

Процент освобожденных малолетних, которые были снова судимы, менялся; смотря по заведениям: так из числа правительственных, в колонии при тюрьме в «Лоос», он составлял всего только – 9,4%, в «Ля Рокетт» – 14,3%; больше всего в «Галлионе» – 20,5% [3, с. 188].

Такой высокий процент рецидива оправдывал создание такого специализированного учреждения пенитенциарного типа для несовершеннолетних преступников как «Галлион». «Галлион» и создавался как тюрьма и каторга в одном лице для малолетних преступников. Взрослых преступников во Франции того времени отправляли через океан, во Французскую Кайенну, на каторгу, откуда уже на родину никто не возвращался.

Список литературы

1. Ануфриев К.И. Воспитательно-исправительные заведения и учреждения трудовой помощи и принудительного труда в Западной Европе. (Германия, Бельгия, Англия, Франция и Швейцария) / К.И. Ануфриев. – Петроград: Городская типография, 1915.

2. Исправительное воспитание несовершеннолетних в Западной Европе и Америке. – СПб., 1911.

3. Пассек А. Очерк истории наказаний малолетних преступников и развитие исправительных колоний для малолетних во Франции / А. Пассек // Современник. – 1863. – №9. – Сентябрь.